

ДОН НИГРО

1949 ГОД

Дон Нигро
1949 год

«Автор»

2019

Нигро Д.

1949 год / Д. Нигро — «Автор», 2019

Дон Нигро 1949 год/ Nineteen Forty-Nine/2018. Входит в сагу «Пендрагон-Армитейдж». Одиннадцать актеров (4 женские и 7 мужских ролей).

Пьеса написана Доном к своему юбилею. Легко, изящно увязаны воедино собственное рождение (в пьесе – рождение Бена Палестрины, персонажа многих пьес Дона, несущего в себе, наряду с Джоном Роузом и Джоном Рисом Пендрагоном, автобиографические черты), история семьи, история родного города, история страны. А Бен Палестрина еще и главный герой первой поставленной пьесы Дона Нигро: «Морской пейзаж с акулами и танцовщицей».

© Нигро Д., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Действующие лица	6
Декорация	7
Примечание автора	8
1	9
2	13
3	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Дон Нигро 1949 год

«Так вот, когда все души выбрали себе ту или иную жизнь, они в порядке жребия стали подходить к Богине, которая посылала с каждым, как стража жизни и исполнителя сделанного выбора, демона, которого он выбрал».

Платон, «Государство», книга X.

Действующие лица

БЕН ПАЛЕСТРИНА

БЕККИ АРМИТЕЙДЖ ПАЛЕСТРИНА

ДОКТОР ВОЛЬФ/КЕЙСИ СТЕНГЕЛ/ГАРРИ ТРУМЭН

ДЖОННИ ПАЛЕСТРИНА

МЕДСЕСТРА/СОНЯ

ДЖОН РИС ПЕНДРАГОН

ДЖЕЙМС ФОРРЕСТОЛ

ТЕТЯ ЛИЗ

МАКС ЭРНСТ/ДЖОРДЖ ОРУЭЛЛ

АННА ПЕНДРАГОН

ИСО ВАН ВОГТ/РАДИОКОММЕНТАТОР

Декорация

Ранняя осень 1949 г. и май того же года. Больница на Рыночной улице города Кантон, штат Огайо, больничные палаты ДЖЕЙМСА ФОРРЕСТОЛА в Вашингтоне, округ Колумбия, и ДЖОРДЖА ОРУЭЛЛА. Дом 405 по Армитейдж-авеню в Армитейдже, маленьком городе в восточной части штата Огайо, и скамья перед антикварным магазином ИСО ВАН ВОГТА в Армитейдже. Бар в Нью-Йорке, стадион «Янки» на Кони-Айленде. Одна кровать на три больничные палаты. Деревянная скамья, деревянный стол и стулья в баре. Все места действия собраны в единую простую декорацию. Время и пространство подвижны и накладываются. Персонажи одного пространства-времени видны по ходу картин в другом пространстве-времени. Спектакль течет плавно, без перерывов, затемнений и пауз. Движение спектакля всегда его составной элемент.

Примечание автора

Не допускается использование каких-то отрывков радиопередач или музыкальных записей без разрешения правообладателей, только потому, что они упомянуты в пьесе.

1

(В темноте мы слышим дикую, нарастающую какофонию звуков из 1949 г., словно кто-то вертит диск настройки радиоприемника: обрывки радио-шоу, рекламных роликов, популярных песен, накладывающихся и сливающихся, слегка нечетких, как они слышались бы из матки, приглушенные околородными водами. Время от времени более четко звучит увертюра оперы Россини «Вильгельм Телль», как она звучала в программе «Одинокий рейнджер», но слышна также и реклама стиральных порошков, песни о разбитом сердце, речь Трумэна, отрывки других радиопрограмм (Макджи, не открывай тот шкаф. Спокойной ночи, Грейси. Мистер Бенни, мистер Бенни, Кто знает, какое зло таится в мужских сердцах, ария «Надеть костюм/ Vesti la giubba» из оперы «Паяцы»), наконец, последние такты увертюры смолкают, оставляя музыку парка развлечений, и свет падает на БЕНА ПАЛЕСТРИНУ, мужчину за шестьдесят лет, который идет по Кони-Айленду после окончания сезона, где-то в 2015 г. Когда БЕН говорит, мы видим его молодого отца, ДЖОННИ, в 1949 г. Он идет по тротуару и останавливается, глядя в витрину невидимого нам магазина).

БЕН. В последний день сентября 1949 года¹ мой отец шел по Рыночной улице города Кантон, штат Огайо. Схватки у моей матери продолжались довольно долго, и доктор Вольф предложил ему прогуляться и размять ноги. Итак, мой отец идет по Рыночной улице, понимает, что под открытым небом куда холоднее, чем он предполагал, а он не взял с собой ничего теплого. Он дрожит и, проходя мимо магазина мужской одежды, видит в витрине светло-коричневую вельветовую куртку. Ему она нравится, он заходит в магазин и покупает ее, чтобы не подхватить воспаление легких на обратном пути в больницу. *(ДЖОННИ исчезает в магазине)*. Я помню, как в моем детстве отец ходил в ней на работу каждый день. Возвращался домой вечером, и куртка пахла зимой и сигарами. Я надеваю эту старую куртку, и отец как бы обнимает меня. И я думаю о том, каким он был тогда человеком – с ясными глазами, мрачноватым, сдержанным чувством юмора. И какое невероятное терпение проявлял по отношению к матери, женщине очень привлекательной, но иногда становящейся совершенно...

(Свет падает на БЕККИ, которая лежит на больничной кровати в последний день сентября 1949 г., и на ДОКТОРА ВОЛЬФА).

БЕККИ. Не хочу я рожать еще одного чертова ребенка.

ДОКТОР ВОЛЬФ. Передумывать уже поздно, Бекки. Малыш стучится в амбарные ворота. Он хочет попасть в этот мир. И тебе придется его выпустить, рано или поздно.

БЕККИ. Я – не амбар, и не хочу я еще одного ребенка. У меня их уже два², и я ненавижу обоих.

ДОКТОР ВОЛЬФ. Нет у тебя ненависти к твоим детям.

БЕККИ. Есть. Я их так ненавижу. Они загубили мою жизнь. Не хочу я больше иметь детей. Никогда.

ДОКТОР ВОЛЬФ. Хорошо. Я сейчас вызову аиста, и он отнесет младенца обратно на склад в Вунсовете.

---

¹ День рождения Дона Нигро. Бен Палестрина, наряду с Джоном Рисом Пендрагоном и Джоном Роузом (в этой пьесе его нет), несет в себе автобиографические черты драматурга. Персонаж многих пьес Дона, в том числе и первой, «Морской пейзаж с акулами и танцовщицей». Переведена на русский язык.

² История появления Бекки на свет изложена в пьесе Дона Нигро «Лестригоны». История появления ее двух дочерей – в пьесе «Уехал цирк», которая заканчивается знакомством Бекки и Джонни Палестрины. Обе пьесы переведены на русский язык. Бекки – героиня еще нескольких пьес Дона. Среди прочих, они входят в сагу «Пендрагон-Армиейдж».

БЕККИ. Нечего смотреть на меня свысока, вонючий, старый, костоправ. Вам просто не терпится устроить ваш толстый зад на стуле в «Красной розе». Вы пили все время, пока я находилась здесь. Готова спорить, идущий от вас запах виски унюхают и в Кливленде. Как вы собираетесь принимать моего ребенка? Вы пьяны.

ДОКТОР ВОЛЬФ. Не так, чтобы очень.

(Отходит от нее, достает фляжку, пьет. Появляется ДЖОННИ, в новой куртке).

ДЖОННИ. Как она, доктор?

ДОКТОР ВОЛЬФ. Она – маленький лучик солнечного света. Ее стараниями половина медсестер в родильном отделении готовы выпрыгнуть из окна.

ДЖОННИ. Почему так долго? Что не так?

ДОКТОР ВОЛЬФ. Все нормально. Во всяком случае, у нее. Она уже родила двоих, поэтому знает, что делать. Этот должен выскочить, как горошина из стручка, но Бекки решила не участвовать.

ДЖОННИ. Но она хотела ребенка. Это была ее идея.

ДОКТОР ВОЛЬФ. Что ж, девять месяцев спустя у нее возникла другая идея. Такое случается не в первый раз в истории человечества. Боли у нее сильные, но ее организм не реагирует на лекарства должным образом. Она испытывает стресс, и никак не может расслабиться. Дай ей еще немного времени, и ребенок выйдет, независимо от того, хочет она этого или нет. Побудь с ней. Сейчас она воспринимает меня, как бык – красную тряпку.

ДЖОННИ. Меня она тоже особо не жалуется.

ДОКТОР ВОЛЬФ. Возможно, но накачал ее не я. Ты на это напрашивался. Ты это получил. А теперь прошу меня извинить, у меня важная консультация с коллегой, Джеком Даниэлсом.

(ДЖОННИ подходит к кровати).

ДЖОННИ. Привет, Бекки. Как себя чувствуешь?

БЕККИ. Уйди. Не хочу тебя видеть. Это твоя вина.

ДЖОННИ. Почему это моя вина?

БЕККИ. Что значит, почему? А кто, по-твоему, меня обрюхатил? Эдгар Гувер?

ДЖОННИ. Но ты хотела ребенка.

БЕККИ. Я не хотела ребенка. Я просто думала, что его хотел ты. С чего мне хотеть еще одного ребенка? Я бы с радостью избавилась от тех двух, что у меня уже есть. Может, нам оставить их на автобусной остановке?

ДЖОННИ. Если ты не хотела ребенка, не следовало тебе говорить мне, что хотела.

БЕККИ. Ты бы подумал, что я – чудовище.

ДЖОННИ. Не подумал бы я, что ты – чудовище.

БЕККИ. Может, я чудовище. Может, ребенок будет чудовищем. Может, родиться с тремя головами. Я говорю тебе прямо сейчас – не буду я кормить грудью младенца с тремя головами.

ДЖОННИ. Не будет у него трех голов.

БЕККИ. Откуда ты знаешь, что не будет? Он вполне мог отрастить еще две головы. Как ты можешь знать? Ты же его не видел.

ДЖОННИ. Бекки, тебе просто нужно расслабиться.

БЕККИ. Почему мужчины постоянно советуют мне расслабиться? Сам расслабляйся, самодовольный сукин сын. Действительно красивая куртка. Где ты ее взял?

ДЖОННИ. Купил в магазине неподалеку. Это вельвет.

БЕККИ. Круто! Я пытаюсь протолкнуть арбуз через замочную скважину, а ты ходишь по магазинам.

ДЖОННИ. Док предложил мне прогуляться.

БЕККИ. Поэтому ты пошел по магазинам? Ты не думаешь, что я тоже хочу пройтись по магазинам. Ты хоть раз спросил меня, хочу ли я пройтись по магазинам?

ДЖОННИ. Сможешь ходить, сколь влезет, после того, как родишь.

БЕККИ. Не говори мне, что я смогу. Господи, я ненавижу мужчин. Я их ненавижу. А особенно ненавижу тебя. Хотя это красивая куртка. Я не просто тебя ненавижу. Я хочу тебя убить. Ничего, если я тебя убью?

ДЖОННИ. После того, как родишь.

(Входит МЕДСЕСТРА и слышит гневную тираду БЕККИ).

БЕККИ. РОДИШЬ! РОДИШЬ! РОДИШЬ! ПОЧЕМУ ВСЕ ТОЛЬКО И ГОВОРЯТ О РОЖДЕНИИ ЭТОГО ЧЕРТОВА ДУРАЦКОГО РЕБЕНКА? НА ХРЕН РЕБЕНКА! *(От изумления МЕДСЕСТРА замирает. БЕККИ обращается к ней).* ЧЕГО ВЫТАРАЩИЛАСЬ, РЫБЬЯ ХАРЯ? УБИРАЙСЯ ОТСЮДА К ЧЕРТОВОЙ МАТЕРИ!

(МЕДСЕСТРА поворачивается и уходит).

ДЖОННИ. Бекки, ты пугаешь медсестер.

БЕККИ. На хрен медсестер. Небось, трахаешь их, когда выходишь из моей палаты. Хватит болтать со мной. Уходи. Не хочу больше тебя видеть.

ДЖОННИ. Хорошо. Я буду рядом.

БЕККИ. МНЕ БЕЗ РАЗНИЦЫ, ГДЕ ТЫ БУДЕШЬ! МОЖЕШЬ ОТПРАВИТЬСЯ В ВУНСОКЕТ И ТРАХАТЬСЯ ТАМ С АИСТОМ. НО НИКОГДА, НИКОГДА БОЛЬШЕ НЕ ПРИКАСАЙСЯ КО МНЕ СВОИМИ ГРЯЗНЫМИ ЛАПАМИ. ДУМАЮТ ТОЛЬКО О ТОМ, КАК БЫ ОТРАХАТЬ ТЕБЯ, А КОГДА ТЫ РОЖАЕШЬ РЕБЕНКА, БРОСАЮТ ТЕБЯ И ОТПРАВЛЯЮТСЯ ПО МАГАЗИНАМ!

ДЖОННИ. Я тебя не бросал.

БЕККИ. Тогда почему ты сейчас уходишь?

ДЖОННИ. Потому что ты сказала мне уйти. Я посижу в комнате ожидания. Если только ты не хочешь, чтобы я остался.

БЕККИ. Я не хочу, чтобы ты остался. Я хочу, чтобы ты умер.

ДЖОННИ. Мне очень, очень жаль, что у тебя такие тяжелые роды. Я готов на все, лишь бы тебе стало легче.

БЕККИ. Круто. Как насчет того, чтобы потужиться и высрать «бьюик»? Хочу посмотреть, понравится тебе или нет.

ДОК ВОЛЬФ *(возвращается)*. Кое-то должен родить в самое ближайшее время, а не то мне придется посылать за выпивкой.

БЕККИ. Сами и рожайте. А мне отдайте одежду. Я уезжаю в Питтсбург.

ДЖОННИ. Не можешь ты ехать в Питтсбург.

БЕККИ. Если ты можешь свалить в Нью-Йорк, я могу поехать в Питтсбург.

ДЖОННИ. Я никуда не поеду, пока ты не родишь.

БЕККИ. Хорош папаша! Оставляет только что родившегося ребенка, чтобы сбежать в Нью-Йорк. И зачем? Чтобы участвовать в какой-то идиотской игре!

ДЖОННИ. Бекки, у меня есть шанс стать питчером «Янкис» в Мировых сериях.

БЕККИ. Да мне плевать, даже если ты едешь, чтобы оттрахать королеву! Если я должна сидеть здесь с этим младенцем, сиди и ты!

ДОКТОР ВОЛЬФ. Юная дама, если ты и дальше будешь так выражаться, нам придется попросить тебя уйти.

БЕККИ. Круто. Может, мне поучаствовать в стипль-чезе во Франции. Или в собачьих бегах. В роли зайца. Меня от всех вас тошнит. Убирайтесь отсюда, все. Просто убирайтесь.

ДОКТОР ВОЛЬФ. Льда тебе принести?

БЕККИ. Что мне нужно, так это большой чертов сталагмит, чтобы я засунула его в ваш большой костоправный зад. Почему вы не можете принести мне этого чертова «Джек Даниэlsa»?

БЕН (на Кони-айленде, 2015 г. Свет, падавший на БЕККИ, гаснет, а ДЖОННИ идет на авансцену, к столу, за которым пьет РИС). Моя мать, конечно, была на взводе, но справедливости ради, отмечу, что в силу особенностей ее организма, обезболивающие практически не действовали. Я склонен думать, что док Вольф познакомил ее со своим коллегой, Джеком Даниэлсом, поскольку она каким-то образом расслабилась, и я таки появился на свет, желтый и весь в слизи, но с одной головой, а мой отец успел вернуться в Нью-Йорк к Мировым сериям. Вечером перед первой игрой он обедал с Рисом Пендрагоном, родственником моей матери, репортером, который писал о Мировых сериях для одной из нью-йоркских газет. Я не помню, какой именно, потому что его нанимали многие газеты. Думаю, он и сам потерял счет.

2

(ДЖОННИ и РИС, бар в Нью-Йорке, начало октября 1949 г.)

РИС. Так у тебя сын.

ДЖОННИ. Да. Его зовут Бен.

РИС. Назвали в честь кого-то из твоих родственников?

ДЖОННИ. Нет. В честь Бенджамина Франклина. Бекки хотела назвать сына в честь умного человека, долго не могла найти достойного кандидата, но в ее любимой детской книге мышонок жил в шляпе Бена Франклина и она всегда подавала ему хорошие идеи. Бекки ползает себя глупой и волновалась, что он тоже будет глупым, родившись весь в слизи.

РИС. Бекки не глупая.

ДЖОННИ. Я знаю. Она очень даже умная. И очень веселая. Часто и нежная. Она жутко разозлилась на меня из-за того, что я уехал чуть ли не сразу после рождения младенца. Я ее понимаю, что мне оставалось делать? У нее есть тетя Лиз, и тетя Молл, моя мать и сестры тоже готовы помочь. Я уехал на какую-то неделю или чуть больше, а потом Серии закончатся, и я вернусь домой на всю зиму, буду работать на кондитерской фабрике.

РИС. Я уверен, она поймет.

ДЖОННИ. Не думаю. Она несчастна.

РИС. А когда было по-другому? Мне она всегда казалась потерянной. Но, разумеется, не так много времени я провел в ее компании.

ДЖОННИ. Иногда я тревожусь, а не сделает ли она что-то безумное.

РИС. Например?

ДЖОННИ. Не знаю. Убежит из дома. Бросится под паровоз. От нее можно ждать всякого. Сегодня она в отличном расположении духа, нежная и ласковая, а на следующий день становится совершенно другой. Меня мучает совесть из-за того, что я здесь. Будто убежал от нее.

РИС. Она знала, за кого выходила.

ДЖОННИ. Не уверен, что она это понимала. Думаю, никто не думал, что после войны я снова стану хорошим питчером.

РИС. Но ты стал. Вылечился, отлично провел год в младших лигах, и теперь будешь подавать за «Янкис» в первой игре Мировых серий. Я уверен, она очень тобой гордится.

ДЖОННИ. Она думает, что бейсбол – самая дурацкая трата времени в истории человечества. Я купил ей телевизор «Филко». Так что она может смотреть игры «Серий», если захочет. Но я сомневаюсь, что будет смотреть.

РИС. Она – хорошая девочка. Просто не знает, какая она. Никогда не знала. Это не ее вина. Вся ее жизнь – дрейф от одной катастрофы к другой, как и у меня, да только мне платят за то, что я пишу об этих катастрофах. Сначала она залетела, потом неудачно вышла замуж, но теперь встретила тебя, и в этом ей очень повезло. Пока она просто не может в это поверить. Или верит, но считает себя обязанной все испортить, думая, что не заслуживает такого счастья. В любом случае, тебе, скорее всего, крепко достанется, но любовь – совсем не то, как ты, возможно, себе это представляешь. Ты прошел через многое. Война. Осколки немецкого снаряда в ногах. А теперь тебе предстоит выступить в Мировых сериях. Наслаждайся, пока можешь. Каждый хороший день может оказаться для тебя последним.

ДЖОННИ. Кейси меня не поставит. Я в составе только потому, что два левши травмировались в последнюю неделю сезона. Он сказал мне об этом, считай, открытым текстом.

КЕЙСИ *(обращается к ДЖОНУ из раздевалки на стадионе «Янкис», в длинном свитере и носках, но без штанов)*. Не рассчитывай на какие-то поблажки, парень. Жизнь сурова, как и игра. Болельщики будут кричать тебе такое, чего дьявол не кричит в аду. Ты не должен терять

самообладание от их криков. Люди пытались сломать меня всю жизнь. Никто и не думал, что я смогу стать таким менеджером. Они называют меня Кейси Вонючка. Эй, Вонючка, кричат они, ты уже гений? Когда я играл сам, они освистывали меня всякий раз, когда я выбегал на поле. Поэтому однажды я завел разговор с одной маленькой птичкой, практически ручной, которая прижилась на скамье запасных. Игроки постоянно подкармливали крошками от чизбургеров. Вот и у меня она ела с руки. Потом я ее поймал, сунул в шлем, а шлем надел на голову. Выбежал на поле, болельщики освистывали меня и выкрикивали всякие гадости о моей матери. Я им широко улыбнулся, почему нет, брань на воротах не виснет, а потом элегантно поклонился, как лорд кланяется королеве, и при этом сдернул с головы шлем, и птичка вылетела. То есть я «показал им птичку»³. Возможно, мой юмор был слишком тонким для этих троглодитов. Но речь о том, что такова моя философия. Покажи им средний палец и продолжай играть. Просто продолжай играть. Все у тебя будет хорошо, парень. Плюс, при удаче, мне не придется выпускать тебя на поле. Основные питчеры у как парни крепкие, а если мне понадобится левша, так есть Джо Пейдж. Подавать он умеет. Да, не одной юбки не пропустит, пьет слишком много, но игрок от Бога. Так что просто сиди, зарабатывай свои полтора доллара в день или сколько тебе там платит наш босс и смотри игру. Но всегда будь готов, сынок. Никогда не знаешь, когда Бог вздумает выдернуть тебя из сортира и отправить на поле. Как однажды сказал мне Джон Макроу... (*Отвлекается на что-то за сценой*). Эй, Линделл, держись подальше от моего шкафчика. (*Вновь обращается к ДЖОНУ*). Этот сукин постоянно норовит налить соус «табаско» в мой бандаж. Какое-то ребячество. По моему разумению, большинство бейсболистов – подростки, которым не суждено вырасти. (*Уходит в темноту*). Тупое стадо ослов. Вы думаете, это смешно? Сейчас я покажу вам, что смешно. Я не столько стар, чтобы не наcostылять каждому...

РИС. Никогда не знаешь, что делает Кейси. Ему нравится держать всех в подвешенном состоянии. И ты ему нравишься. Он думает, что ты умный и у тебя большой потенциал. Он может использовать тебя против одного или двух беттеров, если возникнет подходящий момент. Но даже если тебе придется просидеть все игры на скамье запасных, слушая, как Джо Пейдж заливает насчет женщин, ты все равно сможешь сказать, что в тысяча девятьсот сорок девятом году, через пять лет после того, как немцы подстрелили тебя в ходе Арденнской операции, ты вместе с Джо Димаджио участвовал в Мировых сериях в составе «Нью-йоркских янкис». Придет день, когда ты расскажешь эту историю своему сыну, и он будет тобой гордиться. Он все равно будет тобой гордиться. Потому что, несмотря на героические усилия его матери сломать себе жизнь, каким-то образом ей удалось выйти за хорошего человека, который ее любит. Иногда она ведет себя, как безумная, но в глубине души знает об этом.

БЕН (*Кони-айленд, 2015 г.*) Мой двоюродный дедушка Рис⁴ был знаменитым, но, пожалуй, и пользующимся дурной славой репортером, которого нанимали и увольняли все лучшие газеты страны. Его знали едва ли не все знаменитости, но годы брали свое, выглядел он не очень и, по мнению отца, что-то на него давило.

ДЖОННИ. Вы в порядке, Рис? Какой-то вы бледный.

РИС. Староват я для этого. Когда Серии закончатся, поеду в Италию и буду долго-долго отдыхать. Мой редактор не один месяц доставал меня, настаивая, чтобы я отдал ему интервью с Джеймсом Форрестолом, которое я сделал прошлой весной, сразу после того, как его поместили в психиатрическое отделение, но я не мог заставить себя это сделать. Я с ним познако-

³ «Показать птичку/give the bird» – показать средний палец.

⁴ Джон Рис Пендрагон появляется во многих пьесах саги «Армтейдж-Пендрагон», в том числе, в «Колдунье», знаковой пьесы саги (переведена на русский язык). Фактически он Джона Роуза (отца Бекки, о чем она так и не узнает до конца своих дней) и Джессики Армтейдж, матери Бекки, умершей вскоре после рождения дочери, но, поскольку номинально мать Джона Роуза и Джессики была замужем за разными мужчинами (но не за Рисом), он таки двоюродный дедушка Бена. Родственные отношения Армтейджей-Пендрагонов крайне сложные и запутанные.

мился во время войны, и он сообщил мне через медсестру, которую я иной раз приглашал в кино, что хочет поговорить со мной. Мне удалось проникнуть в больницу и взять у него интервью, но я не хотел передавать материал в газету и не мог, не думать о нем. Что-то в этом интервью... Что-то там... Не знаю. Устал я.

3

(ДЖЕЙМС ФОРРЕСТОЛ, отправленный в отставку министр обороны США, заходит в шлепанцах и банном халате, садится на кровать в палате психиатрического отделения. Несколько месяцев ранее. Май 1949 г.)

ФОРРЕСТОЛ. Соловей.

РИС. Что?

ФОРРЕСТОЛ. Знаешь, Рис, не должен я говорить с репортерами.

РИС (*подходит к ФОРРЕСТОЛУ*). Я действительно ценю предоставленную мне возможность, господин министр. Я знаю, чувствуете вы себя не очень, и...

ФОРРЕСТОЛ. Нет. Ты не понимаешь. Разговор со мной подвергает тебя опасности. Я не шучу. Этот разговор может тебя убить.

РИС. Что ж, я знаю нескольких людей, которые хотят меня убить, но не за разговор с вами.

ФОРРЕСТОЛ. Им пришлось вышвырнуть меня из министерства обороны. Я слишком много знал. Единственное, что успокаивает мой разум – это творчество древнего грека. Мне нравится читать трагедии в оригинале. Ты знаком с произведениями Софокла?

РИС. Думаю, в свое время читал «Царя Эдипа». Но я не...

ФОРРЕСТОЛ. Я читаю «Аякса». Греки унижают воина, страдающего от душевного истощения после длительных сражений, он теряет разум и накладывает на себя руки.

РИС. Не думаю, что я даже...

ФОРРЕСТОЛ. Стю Саймингтон сказал мне, Джим, мне нужно кое о чем с тобой поговорить. Я ответил, хорошо, Стю. Что тебя тревожит? Садись в автомобиль, говорит он. А я отвечаю, хороший нынче день. Я лучше пройдуся. Он возражает, Джим, нам надо сесть в автомобиль. И мы садимся. В черный автомобиль. Правительственный автомобиль. Водитель отделен от нас матовым стеклом. А потом я ничего не помню до того момента, как мы вышли из автомобиля. Я помню, лишь как мы садимся в автомобиль. А потом – как мы вылезаем из автомобиля, Стю Саймингтон кладет руку мне на плечо и говорит, Джим, ты надежный парень. Не забывай этого. Ты надежный парень. И это все, что я помню. Все равно, что сон, который ты стараешься вспомнить, но он ускользает от тебя. Да только какие фрагменты время от времени возвращаются. Каким-то образом они затуманили мне разум. Но они в тревоге.

РИС. Кто?

ФОРРЕСТОЛ. Они боятся, что я вспомню.

РИС. Вспомните что?

ФОРРЕСТОЛ. Ты что-нибудь знаешь об НЛО?

РИС. НЛО?

ФОРРЕСТОЛ. Я был министром обороны Соединенных Штатов Америки, и этот сукин сын Дрю Пирсон заявил, что ему сообщили из надежного источника, будто меня нашли на улице, что-то вещающего о НЛО. Хотелось бы мне знать, что это за надежный источник. Вероятно, голоса в его набитой опилками голове. А может, инопланетяне направили ему телеграмму. Или другой сукин сын, Уинчелл. Не тот, у которого марионетка-собака по кличке Фарфел. Другой. Отбивающий чечетку сукин сын. Я столкнулся с этим мерцавцем в Сторк-клабе, так он попытался удрать через кухню. Отвратительный маленький хорек. Если только мне это не причудилось. Это проблема. Эти чертовы таблетки затягивают разум паутиной. Если ты не псих, входя в это место, то выйдешь отсюда точно психом. Они накачивают тебя таким количеством дерьма, что половину времени ты не знаешь, кто ты. Иногда я думаю, что могу вспомнить будущее. Кто-то сказал, что будущее так же реально, как и прошлое. Поезд

просто еще не прибыл. Ему снилось будущее. Кто это сказал? Не помню. Не тот, кто сказал, что ни один человек не может быть островом, а это чертова ложь. Просто острова связаны под водой, как и говорил этот ублюдок Юнг. Будущее – как Провиденс, когда ты едешь на поезде из Вунсокета. Ты не можешь представлять себе, что Провиденса больше нет, потому что ты на полпути к Вунсокету, или что Вунсокета нет, потому что ты туда еще не добрался. Мы – муравьи, ползающие по карте, или инопланетяне, или кто-то еще. А вот сверху можно увидеть все и сразу. Извини, что у тебя может сложиться впечатление, будто мысли у меня путаются. Меня накачали таким количеством лекарств, что далеко не всегда я знаю, где я и кто я. Но, если я попытаюсь очистить свой разум, у меня получится, и я думаю, что американский народ имеет право знать.

РИС. Право знать что?

ФОРРЕСТОЛ. Если им не нравится, что ты говоришь, они называют тебя сумасшедшим, а люди – такие чертовы овцы, что поверят всему, и если ты не затыкаешься, они кормят тебя лекарствами, пока тебе не начинает казаться, что ты безумен. Не верь тому, что они тебе скажут. Я не делал из ремня петлю на шею. Мне приснился кошмар, будто я отбросил табуретку, и ремень порвался. У меня и ремня-то не было. Здесь они первым делом отнимают ремень. Так только у тебя спадают штаны, ты прекращаешься в клоуна. Никто больше не станет воспринимать тебя серьезно. Ты – водевильный актер. Они отнесли мои дневники Трумэну. Президент Соединенных Штатов играет «Миссурийский вальс» на расстроенном пианино публичного дома и читает мои дневники. Подожди. Я должен сосредоточиться. Они стремятся убрать меня, потому что я кое-что знаю, и они знают, что я знаю. Именно поэтому меня пытаются убить. Я знаю, звучит это так, будто говорю я что-то бессвязное, но связь есть. Все связано. Все имеет значение. Информацию можно получать только фрагментами, ты должен сложить их, как пазл, вот они и туманят мозги. Не хотят, чтобы ты знал.

РИС. Кто не хочет? О ком вы говорите?

ФОРРЕСТОЛ. О Стюарте Саймингтоне. Гарри Трумэне. Хопалонге Кэссиди. Одиноким Рейнджере. Тонто. Лошади Одинокого Рейнджера. Сильвере. Джеке Россини. Вильяме Телле. Расслабься. Я шучу. Если тебя называют психом, ты больше не можешь шутить, потому что они все принимают всерьез. Боже, эти люди такие глупые. Я говорю себе, соберись и жди. Думай о чем-то прекрасном. Думай о Принстоне в весенний день. Думай о том, как ты впервые занимался любовью со своей женой. Или с чьей-то женой. Трумэна мучили кошмары из-за Хиросимы? Мне снятся кошмары. Твари с когтями. Твари с рогами. Я продолжаю надеяться, что и это кошмарный сон, но, похоже, никак не могу проснуться. Меня гложут навязчивые идеи. Переполняет безумная радость. Я видел в зеркалах далекие страны. Сатана машет крыльями и устраивается на вершине дерева жизни, как птеродактиль. Есть много реальностей, много вселенных, и они постоянно пересекаются, но мы слишком поглощены собой, что это замечать. Люди, которые идут рядом с тобой по нью-йоркской улице, несут в себе столько историй: личную историю, историю национальности, миллиард разных миров, пересекаясь на Гранд-Сентрал или вышагивая по Пятой авеню в солнечный день. Голоса шепчут всегда, но большинство людей выключает радио. Некоторые из нас не могут. Рычажок сломан. И они сходят с ума. Рев океана. Удары волн. Никакого покоя. Никакой надежды. Незнакомец с чужим именем. На пути к открытой могиле. В этом темном доме святое безумие обрушивается, как град. Соловей. На войне. Что-то насчет соловья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.